

Сказочница В. П. Шорохова

Ясен День и Зоренька

Сказка эта ни про Сивку, ни про Бурку, ни про вещего Каурку. Нет ни моря-океана, нет и острова Буяна, царь-лягушек нету в ней, нет царевен-лебедей, Василисы нет Премудрой и Ивана-дурака.

В этой сказке есть жар-птица, птицы Гриф ещё семья, есть и царь, ещё царица, есть царевна и слуга, есть красавица-девица, деревенска молодлица, сын простого мужика, много кто ещё сгодится и, конечно, даже я.

Сказка эта страшна будет, долга, может быть, трудна, не для всякого ума; кто не робкого десятка, кто усидчив, терпелив, только тот поймёт смекалку сказки этой. Ну, пора. Это присказка была, сказка сей поры ждала.

Давно-давно это было, когда место суши занимала вода, а земля была на месте моря. Где горы образовались – там сады благоуханные были да леса непроходимые.

Тогда на всей земле было всего три царства Северное, Южное да Восточное. Царства огромные, богатые. А остальные места на земле заселяли страшные чудища, оборотни. В каждом царстве чертей да лешаёв невпроворот было.

Что хочу сказать вам, случилось в Южном царстве, самом богатом, не знающем холода, голода, в самом далёком. Правил этим царством царь без имени, без отчества, а было у него прозвище Рыбий Хвост. Откуда пошло это прозвище – и не ведаю. Но старые люди говорили, что отец его Блудей был грешен в молодости: свела его нечистая сила с русалкой, да и прижили они сына, вместо ног – хвосты рыбие оказались. Потому ни разу никто не видел его ходящим, всё носили в паланкине. Злой был – не приведи Господь, жадный – душу чёрту продаст за гвоздь ржавленный, вероломный, своенравный да спесивый. Зато царица была ангел Божий: добра, приветлива, только боялась она своего супруга своенравного, боялась слово при нём молвить. Так всю жизнь молчком и прожила, словно глухонемая. Долго так было. Царь-то старей Пистимеи (так царицу звали) лет на тридцать был, вот и не было у них детей. Царь злится, умирать скоро, а наследника нет. Все знаменитые лекари да знахарки, и ворожеи умудрялись в советах, много Рыбий Хвост голов поотрубал, да толку мало. Совсем царь взбеленился, грозит, что, если Пистимея не понесёт в течение трёх дней, он велит ей отрубить голову или на кол посадить.

Больно затужилась Пистимея, не знает, как быть: один день и одна ночь сроку осталось, скоро смерть страшная настанет, жалко свет белый покидать. Бродила она, горемышная, в саду, а сад огромный был, устала до изнеможения, опустилась на траву шёлковую, в цветы лазоревые да и забылась горьким, тяжёлым не то сном, не то забытьём. Только чудится ей, что сел кто-то рядом. Холодной скользкой рукой, словно жабой, гладит её лицо, грудь, ноги. Жутко стало Пистимее, крикнуть хочет – не может, ни рукой шевельнуть, ни ногой, будто каменная вся стала. И вдруг слышит шёпот неприятный, свистящий, словно змея гремучая звенит, шипит:

– Мои, – говорит, – слова до тебя должны дойти. Когда-то мои родители были в долгу у твоего отца, в большом долгу. Умерли, не расплатились, оставили расписку мне. Умер твой отец, но всем наказал, чтоб спалили, растоптали, изничтожили моё царство Чудо-Юдово, коль я с потомками его не расквитаюсь. Узнал я, что беда грозит тебе неминуемая, – и тут я. Вот тебе шкатулка, в ней три шарика: белый, розовый и бирюзовый. Их ты сама проглоти. А ещё есть в ней пузырёк с чёрной жидкостью и перстень с изображением лука и стрелы. А вот тебе грамота, храни её пуще глаза, пусть она дороже детей твоих будет, но не вскрывай её и никому не кажи, а то всё моё старание зря пойдёт. Чёрную жидкость в пузырьке заставь выпить царя на ночь глядя; ночью он будет мучаться водоизлиянием, когда встанет третий раз бежать, схвати его рукой пониже спины; он рванётся, убежит, а в руках у тебя рыбий хвост останется, быстренько съешь его, ты тотчас понесёшь, а царь ноги обретёт. Это ему наказание было от матери моей за то, что обманул и обесчестил сестру мою его

отец. Вся сила в этом хвосте, от него и детей не было, и зло перехлёстывало царя. Перстень же одень дочери своей на мизинец, когда исполнится ей три года, а грамоту ту сама прочитаешь в ночь на восемнадцатый год сына, не раньше, а то беда с детьми приключится. Тут Пистимею словно ласковым ветерком обдуло. Вздохнула легко, открыла глаза, заметила только: не то зверь, не то человек в кустах мелькнул. А возле себя шкатулку увидела красоты неописанной: как огонь горит! И колыбельная музыка слышится, та, что мать ей в малые годы наигрывала, усыпляючи её. Подивилась она. Да уж сумерки спускались, бегом к супругу-повелителю бежит. Откуда и смелость взялась: прямёхонько в колонный зал вбежала да и бух царю в ноги.

– Государь мой, не вели казнить, изволь просьбу выслушать.

Царь диву дался. Что это, что это? Сколько годов голоса женина не слышал, уж забывать стал его, а он звенит, как у жаворонка, ласков, как лепет ручейка прозрачного в летний вечер. Молча кивнул он головой: мол, говори, что у тебя там ещё.

Зовёт в опочивальню царица, сон, мол, вещей видела, зачнёт, мол, в эту ночь, коль его светлость этот пузырьёк опорожнит.

Обрадовался царь, устал он от ожиданий. Ни слова ни говоря, опорожнил пузырьёк и без ужина спать пошёл.

Как чудище сказало, так и случилось: понесла Пистимея с этой ночи и в положенный срок подарила мужу сына Ясень День да дочку Зореньку. Они, вишь, на зорьке родились, дочка как снег бела, златокудрая, что ни волосинка, то золотинка, в глазах бирюза морская так и плещется. Взглянет – душа запоёт у тебя. А сын ясный как день, добротой так и веет от него. Глаза чёрные, открытые, кудри, как смоль, с отливом, смотри – не насмотришься.

Царь же с той поры ноги обрёл, от радости пляшет, скачет, как скакунок годовалый, и царицу на руках теперь носит. На радостях пир задал на всю страну. Из Восточного и Северного царства именитых гостей пригласил, всех знаменитых звездочётов собрал, чтобы над своими гороскопами работали да счастье наследникам предсказали.

Была и я на том пиру, сидела в тёмном углу, много слышала да видела, о том дальше скажу. Ну, забудь время да дела, а сказка дальше поплыла.

Велел царь накрыть столы в особливом зале, что открывали только к великим торжествам. Сколь ни жаден был царь, а для такого случая ничего не пожалел: тут и вина заморские многолетней выстойки, тут и кушанья чудные, глазами увидишь, есть захочется, тут и соленья, и варенья разные – деревенскихстряпух мастерство. Сели гости за столы дубовые, скатерти браные. Как отворилась дверь, все увидели седую, как лунь, старуху с тяжёлым посохом в руках. Высокая, прямая как сосна, старая, крепкая, с гордой осанкой. Лет ей было – сами складывайте: ежели Рыбьему Хвосту было в то время семьдесят лет, да когда он родился, ей было сорок. Важно, степенной походкой прошла она в залу, еле заметным кивком гостям честь отдала, а царю в низком русском поклоне склонилась да молвила:

– Государь, царь-батюшка, я единственный человек, близкий тебе, я вскормила тебя своей грудью. – То была кормилица царя. А мать не могла сына вскормить, так как в муках умерла. – Батюшка твою душу чёрту твою запродавал, дорогой выкуп мне пришлось отдать за тебя: дочь свою сгубила, но сохранила тебя царю да вскормила, а ты званье моё забыл, как оженился.

Царь-то, вишь, всех пригласил на свадьбу, а она жила тихо да незаметно и скудно: гордость человеческая не позволяла ей у царя помощи просить. Не думала она, что царь окажет ей такую почесть – нанесёт такую обиду, на свадьбу не пригласит.

– Вот, услышала я, что радость у тебя великая, пришла тебя поздравить.

Засуетились слуги, место ищут, где бы старушку посадить, а место-то только рядом с царём оказалось, между царицей да ём. Хоть и недоволен был Рыбий Хвост, делать нечего, усадил старуху, а она опять ему:

– Помнишь, сын мой, – тут она вынимает из-за пазухи чудной работы бокал, – в детстве ты пил из него; никому не позволял, кроме меня, в руки его брать. Помолодей, касатик, спей с

этого бокала вина. – А сама незаметно что-то опустила в вино, когда царю подавала. – А мне свой дай.

Поменялись бокалами, царь пьёт, а гости почувствовали: лёгкий дождик прошёл да слова странные такие:

– Все спешите по домам, здесь не крестины, то обман: царь-то леший, а жена – не жена, а сама сатана; пьёте вы не вино-пиво, ту кровь безвинных людей... Прочь отсюда кто куда, изыди ты, сатана...

Царь и гости в изумленье глянули в сторону старухи, а её нет, только одно лёгкое платье её чёрным облачком вылетело.

Царица в обмороке, а царю кажется, что среди гостей черти находятся. Столько чертей да ведьм кругом, а главная ведьма рядом с ним сидит.

Забушевал, всех гостей стал разгонять. Гости разбежались кто куда.

С тех пор и стало на царя накатывать, будто умом рехнулся. Когда в себя войдёт, всё ему кажется, что и дети его не дети, а тоже чертенята. Черти его и во сне не оставляли.

Когда гости разъехались, удивлённые и обиженные, осталось несколько умудрённых сединами старых людей. От буйства Рыбьего Хвоста спрятали их садовникова жена в старую заброшенную беседку, а ночью садовник такой разговор услышал:

– Эта кормилица не кормилица вовсе, а злая фея. Обиделась она, что царь обошёл её приглашением, и решила его наказать.

Другой голос говорит:

– А у царя с царицей и так беда будет неминуемая: по три года дочь попадёт к чудищу в полон, хочет он её вырастить в жёны своему безобразному шестиглавному Поползнию. А сын с ними будет до восемнадцати лет. Пойдёт сестру выручать да сам в беду попадёт. Выручит его и Зореньку крестьянский сын Иван-богатырь да сестра его Алёнушка-краса.

– А где же живут они? – слышится третий голос, – эти брат с сестрой?

– В самой дальней деревне, у гор. Родились они часом раньше царских детей. Отец их у царя садовником работает, а детей бабка схоронила, не то беда бы приключилась. Дети так прекрасны, что обличьем своим затмевают царских детей. Много горя хватят Иван с Алёной, да уж и счастье найдут, не только для себя, но и царство осчастливят. Ивану-то, вишь, судьбой предсказано царством править.

Крепко задумался садовник над судьбой своих детей: как их уберечь, как ему уму-разуму их наставить. Думали-думали они с женой и решили: раз такова судьба, пусть будет что будет. В борьбе да в нужде человек только крепчает. На том и успокоились.

А дети их растут не по дням, а по часам: три месяца прошло, а Ивану можно три года дать. Умный, сметливый, всё возле старых людей крутится, байки слушает да ума набирается. А руки как огонь: за что ни возьмётся, всё в руках горит, спорится, да ловко так. Алёнушка – что звёздочка в небе ясная: черноброва, смугла, стройна, на удивление, трёх лет уже бисером да серебром по парче шила да рушники вышивала. Всем любя была Алёнушка.

Прошло время. Исполнилось Зореньке три года, а мать, не думая о беде, одела ей перстень на мизинец, что чудище дал. Вышли в сад прогуляться. Ясь День с луками-стрелами в стрельбе упражняется, а Зоренька с матерью цветы рвут да венки плетут. День ясный, ветерок ласковый, цветы благоухают. Пустил стрелу Ясь День, тут ветер в другую сторону повернул, стрела и попала в Зореньку. Ветер вдруг со страшной силой подул, деревья гнутся, небо потемнело – что тут стало, и не пересказать.

Слуги всполошились: кто прячется, кто убегает, кто от страха обмер. Пистимея телом своим дочку хочет прикрыть, а её словно из рук вырывает. Вдруг что-то огромное, чёрное, лохматое с неба с воем ринулось, схватило Зореньку и выше вверх поднялось. Сразу всё стихло, словно и не было ничего. Дворник в себя от страха прийти не может, Пистимея полумертва от горя и страха, Ясь День на груди её горько плачет. Мало-помалу успокоились все, пришла в себя и царица. Но как обо всём царю доложить? Так-то он страшен: день спит, ночью с чертями бушует, совсем умом рехнулся. Судили-рядили и решили совсем ничего ему не говорить.

Проходит время. Ясь День хорошеет день ото дня. Одна радость осталась у Пистимеи – сын. У Ясь Дня замотан башмачок на память от сестры остался, как драгоценность на груди носит.

Узнал о несчастье царь Рыбий Хвост, кто-то из слуг не то в пьяном угаре, не то из страха проговорился. Не вынес царь обману и к утру в покои Пистимеи, как вихрь, ворвался, приказал сказать, как дело было. Деваться некуда, раскрылась царица, сказала, как дело было, только про наказ чудища, про грамоту ни слова не молвила. С тех пор царь ни есть, ни пить не стал и скоро помер.

Через год после смерти отца и Ясь Дню восемнадцать лет исполняется. Мучается Пистимея, грамота с ума не идёт, поделиться бы с кем, да боится уговор нарушить; прочитать – беду накликасть, а сердцем чует, что беда за плечами стоит большая. Что будет с нею и царством, коли сына лишится? Визири да воеводы по кусочку царство разорят да разграбят.

Невмоготу стало ей, однажды сидела она у той старой беседки, увидела её садовникова жена, она тут с дочкой Алёнушкой гуляла. Увидела царица Алёнушку, ну плакать да причитать, да и поделилась своим горем, и о грамоте рассказала, как заполучила её, и что будет, не ведаёт. Легче стало на душе у царицы, каждый день она к Алёнушке приходит, песни послушать, рукоделье посмотреть. Все наряды, которые готовила для дочери, всё Алёнушке приносила. Одаривала, как могла. Полюбила царица Алёнушку всей душой, часа без неё прожить не может.

А жена рассказала обо всём своему садовнику. Думали-думали они, садовник и говорит: – Здесь что-то неладно, здесь что-то связано с судьбой и наших детей. А что, если я эту грамоту скраду. А что, если я её вскрою и прочитаю.

Как сказал, так и сделал. Незаметно пробрался в покои царицы, когда она с Алёнушкой по саду гуляла, вытащил грамоту из тайничка, вернулся к старой беседке, вскрыл её да прочитал.

Оказывается, в тот день, вернее в ночь, когда исполнится восемнадцать лет Ясь Дню, нужно ему явиться к большому озеру, что находится среди трёх гор. Что будет дальше, узнает только на месте. И рассказ, как к этому озеру добраться.

Подумал-подумал садовник и говорит жене:

– А давай-ка, жена, мы другую грамоту напишем. Жалко царицу, вдруг да и сына лишится. – Да ты что, старый дурень. Головы лишиться захотел, детей на кого оставить.

Убеждал-убеждал садовник жену, убедил, и написали они другую грамоту. И печати к этой грамоте прилепили. А в грамоте, составленной садовником, был такой текст: «Как исполнится Ясь Дню восемнадцать лет, оженить его, поставить на управление государством. Сделать всё, чтоб люди жили счастливо да его уважали».

Как задумали сделать, так и начали исполнять. С царицей поговорили, пришло время, царица грамоту вскрыла, прочитала, решила женить Ясь Дня на Алёнушке, уж очень Алёнушка Ясь Дню понравилась.

Да не случилось того, что они вздумали: как только пробил час, когда Ясь День на свет появился, стены задрожали, загудело, зашумело вокруг, вихрем по комнате промело, и Ясь Дня не стало.

Запечалилась царица пуще прежнего, места себе не находит от горя, днями и ночами горячими слезами изливается. И Алёнушка места себе найти не может: полюбила она Ясь Дня пуще самой себя, пуще жизни, пуще отца с матерью. Ходят, закручинятся одна за другой, одна другой помочь не могут. Как только заговорят, так в слёзы ударятся.

Садовница с садовником не знают, чем горю помочь. Проходит время, долго ли, коротко ли, настал день, когда Алёнушка сказала отцу:

– Посоветуй мне, как быть, пойду по белому свету искать своего Ясь Дня, без него мне жизни нету.

Подумал садовник, подумал и решил: чем дома от тоски-кручины на глазах погибать будет, пусть лучше на люди идёт, и горе развеет, и свет посмотрит, авось да и счастье своё встретит на пути.

Собрали они Алёнушку, отпустили. А когда царица стала её в путь провожать, она вспомнила, что у неё старая дорожная сумка, оставшаяся ещё от её матери, где-то в кладовой схоронилась. Пошла она, вынула её, наложила ей на дорогу закусить да и отправила. Проводила за околицу, простилась да назад возвратилась.

Идёт Алёнушка, долго шла, уже вечер спустился, звёзды на небе зажглись, темно стало. Дале в лес зашла – страшновато: поблизости ни огонька, ни звука нет. Вдруг услышала – ручей журчит, подошла к ручью, умылась, напилась и решила волосы вытереть, в сумочку полезла да на зеркальце наткнулась. Решила в зеркальце взглянуть, взглянула в зеркальце (а на уме у неё в то время Ясь День был), посмотрела и увидела Ясь Дня. Летит Ясь День высоко-высоко в поднебесье, какое-то чудище его держит, лохматое да страшное, да шестиголовое. Вскрикнула Алёнушка да без памяти опустилась на землю.

Очнулась, когда уже солнышко взошло, птицы радостно поют, ручеек журчит, день ясный да тёплый. Подкрепилась Алёнушка и пошла дальше, куда – сама не знает, лишь бы вперёд идти, лишь бы двигаться. Долго ли, коротко ли так шла, выходит она, наконец, на поляну. На поляне избушка стоит. Подошла она, постучалась, попросила разрешения войти. Вошла, а за столом сидит старушка да пряжу прядёт, веретено из рук падает, веретено путается, узелки завязываются да рвутся.

Посмотрела Алёнушка на неё, да и говорит:

– Дай, бабушка, я помогу тебе куделю испрядь.

Старуха обрадовалась, стала спрашивать, кто она, чья дочь, с какого государства, далёко ли путь держит. Алёнушка ей всё рассказала. Пока разговор у них шёл да воспоминаниями занимались, Алёнушка незаметно и куделю спряла. Пряжа тонкая да ровная, словно нитка шёлковая, тянется не рвётся. Посмотрела старуха на работу и думает: «А девушка-то мастерица. Надо помочь мне ей».

Стала она поутру Алёну в путь собирать, разбудила. Алёна встала, оделась и решила в зеркало взглянуться. Зеркальце-то вытащила, а старуха-то как птица к ней вылетела, зеркало-то из рук вырвала да и спрашивает:

– Это откуда у тебя зеркало в руках оказалось?

Та и рассказала, что ей царица Пистимея дала в дорогу сумку, а в сумке зеркало оказалось. Она говорит:

– Так, значит, жива моя внучка Пистимея. Коли хочешь знать, так это зеркальце ещё мой дед подарил моей матери, а мать подарила мне, а я подарила своей внучке Пистимее на счастье. Зеркальце это не простое, зеркальце волшебное: о чём хочешь узнать, стоит тебе только подумать да в зеркальце посмотреть, оно тебе и ответ даст, и путь укажет, и как силы сохранить подскажет.

Обласкала она Алёнушку, советов добрых ей надавала да и отправила её к своей старшей сестре, и говорит:

– Поторопись, а то можешь и не захватить, ей осталось жить не больше трёх суток.

Как Алёна шла это время – она как на крыльях летела, всё ей радостно да всё ей хорошо.

Шла-шла она, долго ли, коротко ли, доходит, наконец, до большой реки. А как через реку перебраться, не думает, а про зеркальце-то и забыла.

Сидела, думала-думала, гадала-гадала, как поступить. Растрепалась, ветер подул, жарко стало, решила она искупаться; искупалась да снова за полотенцем полезла в сумку и опять на зеркальце наткнулась, вспомнила, бабушкины слова. Подумала она, как через реку перебраться, как старушку найти, и зеркальце ей путь показало и подсказало, как через реку перебраться. Быстренько она нарвала прутьев, сплела небольшой плотик, села на него и спокойно, тихо переплыла через реку. А вскорости показалась и старухина избушка.

Вошла, старуха на ладан дышит, попросила она, чтоб ей тёплой воды нагрела, горячим чаем напоила, обмыла её, передела.

Как старуха попросила, так Алёнушка и сделала: одела её, умыла, на ложе положила, и только тут старуха стала спрашивать, кто она да откуда, как путь нашла, как через реку

перешла, потому что триста с лишком лет сюда даже ворон не залетал, не то что человек пробирался.

Рассказала ей всё Алёнушка чистосердечно. Тогда старуха и говорит:

– Тяжёлый путь ты себе выбрала. Далеконько тебе придётся идти до Чудо-Юдова царства. Это сын его уволок жениха твоего. Трудно тебе будет с ним бороться, не под силу. Ты – женщина слабая, да и ума у тебя ещё нехваток. Ты больше к людям присматривайся, ты больше с людьми советуйся да не на каждый совет надейся, подумай, взвесь да реши, а потом и кидайся. Одну помощь только я тебе дам: дам я тебе кольцо золотое. Брось это кольцо, куда кольцо покатится, туда и иди. Куда приведёт тебя кольцо, есть родник, а возле родника – пещера. Только страшное то место, не всякому пробраться в неё удаётся, и сгинуть можно. В пещере этой ты брата своего найдёшь. Пошёл брат по свету счастья поискать да в беду попал. Вот ты его и выпучишь своим появлением, а как вы соединитесь со своим братом, там и решите, как вам дальше искать своё счастье.

Послушалась она, взяла кольцо и отправилась дальше в путь. День идёт, два идёт, месяц идёт, обувь пообтрепалась, платье пооборвалось, есть уже нечего, а кольцо всё катится да катится. Алёна из последних сил ноги переставляет. На отдых не останавливалась, скорее ей хотелось до брата добраться, из беды его выручить, чем может, ему помочь.

Наконец, показался ручей. Попила она, приободрилась немножко, стала пещеру искать. Ищет-ищет, кругом гору обходит, а входа в пещеру никак найти не может. Устала, легла она, легла да и провалилась. Оказалось, легла она как раз на вход в пещеру, который был заложен сучьями, травой да кустарниками.

Упала она и не помнит, когда в себя пришла. Пришла – ужаснулась: вой страшный кругом стоит, какие-то глаза горящие по углам шастают, шелест, шёпот, свист. Страшно Алёне стало, на голове волосы дыбом поднимаются, сердце захолонуло от страха, ни шевельнуться не может, ни крикнуть не может, ни вообще дышать. Стоит не шевелясь, думает – всё, конец ей пришёл. И вдруг слышит стон. Стала она к этому стону прислушиваться, определила, в какой стороне, да возле стенок тихонечко и продвигается. Как пошевелится, так какие-то горящие точки перед глазами и холодно становится, глаза резать начинает; станет обратно на место, всё спокойно, вся боль уйдёт. Двинется она в обратную сторону, чтобы к другой стене до стона добраться, то же самое получается. Прямо шагнёт, как будто бы за волосы сзади хватают, к стене приковывают. Ноги стали тяжёлыми, не двинутся, в конце концов упала Алёна обессиленная, ползком решила пробираться. И всё-таки добралась она до стонущего человека, приподняла голову, ощупала, по кудрям узнала, что это её брат родимый, Иванушка.

Заговорила она с Иванушкой, попоила его, чем могла. Иван и спрашивает: «Алёнушка, дорогая сестрица, как же ты попала сюда? Я в беде неминуемой, и ты теперь тоже. Как же мы отсюда выберемся? Но вдвоём решать – не одному думать. Отдохни с дороги. Подумаем да и придумаем».

Сидели-сидели они, долго говорили, уснули. Проснувшись, решили потихоньку из пещеры выбираться.

Тогда Алёнушка вспомнила, что у неё в сумке зеркальце есть. С радостью вынула она из сумки это зеркальце, подумала, как выбраться из пещеры им, да взглянула в зеркальце; а зеркальце-то им путь открыло.

Отправились они. Скоро свет показался. Дошли они до отверстия, где вход в пещеру был, а выбраться-то высокоенько. Иванушка посадил Алёнушку на плечи, схватилась она за кустики, которые на краю пещеры росли, вылезла, пояс свой отвязала, сняла, подала Иванушке, и Иванушка выбрался.

Умылись они у родничка да и отправились в путь. А куда идти – сами ещё не решили, просто шли, чтобы идти.

Время к вечеру спускается, звёзды сгущаются в небе, есть хочется, а есть нечего. Прилегли они отдохнуть: утро вечера мудренее. Поспали, отдохнувшие, бодрые поднялись утром. Иванушка и говорит Алёнушке: «Дорогая сестрица, я тебе до сих пор не рассказал, как же

я попал сюда. Когда бабушке нашей плохо стало, умирать она стала, тогда она подозвала меня к себе и дала мне волосяной мешочек, а в нём (в волосяном мешочке) три пёрышка. И она сказала мне, чтобы беречь эти пёрышки: они мне когда-нибудь в жизни очень пригодятся. Это единственное, что у меня есть в жизни дорогого. Хранить наказывала эти пёрышки, не показывать, не отдавать никому, а то беда может случиться не только со мной, а ещё много людей пострадает. И для чего эти пёрышки, она тоже мне сказала. Сказала она мне, что есть в нашем государстве царевна, Зоренька, что она предназначена мне в невесты. Но только беда с Зоренькой случилась. Унёс её Чудо-Юдо-внук, себе в жёны вырастить, собирается жениться на ней. Жизнь Зореньки будет страшная, полная мук и горя. Решил я пойти на выручку Зореньки. И пёрышки эти мне здесь пригодятся. Только на пути встретил я одного старичка, попросил он у меня поесть, ни рук, ни ног у него нет. Покормил я его, напоил; он показал, куда его отнести да положить отдыхать. Сделал я, а он говорит, что путь мой далёк, да путь мой нелёгок, впереди мне будут большие препятствия: и лешаи будут мешать, и Чудо-Юдо разные заморские нерусские на пути будут вставать, назад меня ворочать, только я слушать никого не должен. А с чудами голыми руками бороться не будешь, да и силы у меня маловато. Так вот, этот старичок и сказал мне, что около этой пещеры недалеко есть гора, в ней дверь железная, а чтобы дверь эту открыть, нужно мне кольцо золотое, которое я должен в пробой вдеть, и тогда только дверь откроется. За дверью за этой я найду две кадки с водой. Одну с правой стороны я должен переставить налево, а которая стоит налево, я должен переставить направо. Из этой бочки, которая переставлена направо, я должен воды испить. Там же, за дверью, меч волшебный висит, только меч этот никому поднять не под силу. Богатырю принадлежал этот меч, давно умер, уже и костей его не осталось, а меч до сих пор сохранён. Так вот, в чьи руки этот меч попадёт, будет самым сильным человеком на свете».

Послушала его Алёнушка, пошли они к этой заветной двери, вошли. Алёнушка сняла с себя золотое кольцо, которое ей мать подарила, когда она в путь уходила. Продел это кольцо в пробой Иванушка, и дверь сама собой раскрылась. Зашли они и видят: стоят две кадки, на вид небольшие, а с места сдвинуть нельзя, сколько ни тужились, сколько ни старались, кадки не поддаются им. Тогда Алёнушка и вспомнила, что ему из этой кадки, которую нужно переставить вправо, воды надо испить, тогда и силы прибавится.

Послушался Иванушка, попробовал воды испить. И верно, чувствует, как будто сила по телу разливается. Потрогал бочки – начинает с места тихонько трогаться, но мало ещё. Ещё испил Иванушка, чувствует, что ещё больше силы у него стало, и Алёнушке предложил испить этой воды. Переставили они бочки, тогда пошёл он меч волшебный искать. Видит, меч висит. Несмотря на то, что заржавел, всё равно блестит. Только трудно достать его, этот меч, весь он паутиной оплетён, а паутину прорвать нельзя, и страшный паук ползает, близко не подпускает. Как только начнёт Иванушка подходить к мечу, как будто бы жар какой от паука пойдёт, назад откидывает, то ветром страшным подует, к стенке отбросит. Всяко разное ловчился он, тогда Алёнушка, видя, что брату не удаётся до меча добраться, она вперёд его кинулась. Вперёд кинулась, паук поймал её в свои лапищи, наверх куда-то поволок, а в это время Иванушка к мечу пробрался, снял меч со стены, разрубил паутину, вызволил сестру, и отправились они обратно.

Пока они бились с пауком, пока они меч добывали да бочки переставляли, много времени прошло. Но теперь им вроде бы ничего не грозит. Оба они сильные, оба они бодрые стали и дальше в путь отправились.

Шли, долго ли, коротко ли, далеко ли, приходят они к одному небольшому городку. Тишина в городке стоит необычная, как будто бы всё население вымерло: нигде ни людей, ни скота не видать. Постучались в одну избу – тишина, не отвечают, постучались в другую – опять не отвечают, в третью решили без стука войти. Вошли – семья, как будто бы мёртвые лежат, только глазами поводят. Стали они у них спрашивать, в чём дело, почему народа на улице не видать, тогда старик еле-еле рассказал им, что беда с ними страшная приключилась. Недалеко от них находится Чудо-Юдово царство. Задумал чудище женить

своего внука на первой красавице в мире, да понадобились ему девушки да парни молодые для веселья и ещё для жертвы – принести своему божеству. А в жертву приносили самого красивого юношу и самую молодую красивую девушку. И вот уже все молодые парни в Чудо-Юдово царство ушли, ни одной девушки молодой не осталось в селе, старики от болезни да голода в немощь пришли.

– Если ты, мил человек, добр, помоги в нашей беде, побори чудовище это страшное, – попросил дед. – А сразиться с ним может только один богатырь, звать его Иванушка – крестьянский сын, подмогой ему в этом будет сестра его Алёнушка, красавица.

Иванушка тогда и говорит:

– Я и есть этот крестьянский сын, только я не богатырь. Меч у меня есть волшебный. Только как пробраться в Чудо-Юдово царство?

Дед говорит:

– Отсюда до царства рукой подать, только ты сестру сначала с собой не бери.

А Алёнушка за брата боится, отстать не хочет. Сколько ни уговаривал её старик, всё-таки решила пойти. Дорогой Иван и так, и сяк к ней подойдёт, и так и сяк ей скажет, всяко разное он её уговаривал, всяко разное её отсоветовал, чтобы она за ним не ходила. В конце концов он решил от неё от сонной уйти незаметно.

Как решил, так и сделал. Остановились они ночевать в красивой роще на берегу реки. Алёнушка, уставши, крепко заснула.

Иванушка встал тихонько, оставил ей еды, питья, а сам в дорогу тронулся и не указал направления, куда пойдёт. Решил: подумает Алёнушка да назад пойдёт.

Шёл-шёл он и видит: стоит дворец, весь из чёрного камня сложен, по углам башни высокие стоят, возле каждой башни змеи двенадцатоголовые, а вокруг всего царства стена высокая, ни пролезть через неё, ни перескочить через неё; и самое страшное, что вокруг всего замка страшный змей (длины неисповедимой) растянулся, толщины необозримой, а головой как раз касается ворот.

Но когда он уходил в Чудо-Юдово царство, старик ещё напомнил ему, что пройти он в этот замок может только по спине этого змея-чудовища в том месте, где его тело обвивает серебряный ободок. Только очень трудно подобраться к этому ободку: он в полтора раза замок обвивает, настолько он длинен. И как только кто подходит – он обязательно голову туда выворачивает, и очень плохо бывает тому, кого он схватит.

Ходил-ходил вокруг Иванушка, примеривался-примеривался, всё-таки изловчился, увидел он, где этот серебряный ободок проходит.

Уловчился и на ободок вспрыгнуть, а он настолько узкий, что стоит только оступиться немножко, так сразу и сгинешь.

Ну, видимо, под счастливой звездой родился Иванушка: удалось ему по серебряному перейти ободку на туловище этого змея-страшилища. Оказался он как раз возле калитки. Постучался, никто не отвечает, посильнее на калитку надавил – защёлка соскочила, и калитка открылась.

Идёт он ко дворцу, кругом цветы, только запах какой-то незнакомый, неприятный, и цветут они не по-нашему.

У нас лазоревые, сиреневые, голубые, белые да оранжевые, а здесь всё что-то на чёрный цвет смахивает. Неприятно Иванушке стало и даже пожалел, что Алёнушку с собой не взял, вдвоём бы веселей и смелей было.

Поднимается он по лестнице, только поднялся, в комнату зашёл, видит – никого нету, во вторую прошёл, тоже никого нету. Везде холодно, везде сумеречно, летучие мыши летают над головами. Вместо украшений на стенах змеи висят, шипят, жала свои высовывают, но бесстрашно идёт Иванушка в следующие покои.

Выходит в большой, видать, тронный зал. И здесь вместо ковра тоже шкуры громадные, с шести головами на полу размотаны, трон походит на сплетение гадюк противных да змей нехороших, ядовитых.

Постоял, подумал, в какую сторону ещё направиться, и увидел: в стене – дверца, а в дверце ключ горчит. Насмелился он, повернул ключ, открылась дверца, он вошёл туда. Слышит – стонет кто-то. Стал осматриваться и в темноте заметил, что девушка висит: цепями за руки к потолку прикована.

– Пить, пить, пить, – стонет девушка.

Подошёл Иванушка, всмотрелся, спросил, кто она такая.

Она и говорит:

– Добрый молодец, зачем ты сюда пробрался? Погибнешь ты здесь, здесь логово Чудо-Юдово. Он царством своим управляет. Меня от матушки, от батюшки унёс ещё в малолетнем возрасте. Он хочет сделать меня женой своего безобразного шестиголового внука Поползища. Не хочу я, не соглашусь за него замуж идти: как я буду с такой безобразиной век свой проживать? Вот и решили они меня наказать – приковали цепями за руки к потолку до тех пор, пока я своего согласия на свадьбу не дам. Они уже и приданое приготовили. Два раза в сутки они приходят спрашивать о моём согласии. Они пытаются меня страшно: они огнём пятки мои жгут, они и тело моё истязают, они мне пить не дают.

Пожалел Иванушка её. Последнюю воду, что у него была с собой, он выпоил ясной Зореньке (а это была Зоренька, невеста его).

Она и говорит:

– Не справиться тебе будет с Чудом-Юдом, не справиться тебе будет и с сыном его шестиглавым, змеем безобразным, лохматым. Один только человек может с ним справиться – Иван – крестьянский сын.

Тут объяснил Иванушка, что он и есть этот крестьянский сын.

Тогда она говорит, что справиться с ним можно, имея в руках меч волшебный, а меч находится очень далеко, и достать его тоже будет нелегко.

Говорит Иванушка, что меч этот с ним, он уже достал этот меч, и что силы в нём прибавилось: где меч хранился, там он воды напился.

Она и говорит, что это кладовая Чуда-Юда-чудовища, что он, летая по белому свету, опускается там, когда притомится, и пьёт воду из кадки, которая слева стоит, которая бодрость да сил придаёт. А та кадка, которая справа стоит, в той воде он заставляет пить и купаться противника своего: как тот из кадки попьёт, его последние силы оставят.

Тогда Иванушка ей всё до конца рассказал, что воды испил и кадки переставил.

– Окончательную победу одержать тебе над этими чудовищами поможет твоя сестра Алёнушка. А Алёнушке путь тяжёл, не преодолеть ей будет всех препятствий, которые на пути станут.

Тогда он открыл, что и Алёнушка здесь с ним.

– Сейчас скрывайся, – говорит Зоренька, – время подходит, скоро Чудо-Юдо-чудища домой вернуться, веселиться начнут да ко мне согласия спрашивать придут. Как только они придут, я сделаю вид, что соглашусь замуж выходить за страшную безобразину, за лохматого змея. И в то же время я выпытаю, где у них место боя будет проходить, где уязвимые места у них, где смерть их хранится.

Только переговорили они, затрясся весь замок, зазвенело, загудело кругом, темнота покрыла всё. Едва успел Иванушка выскочить из этой комнаты, дверь на ключ закрыть да и спрятаться в углу.

Опускаются прямо среди этого зала два страшных чудовища, одно другого безобразнее: хвосты змеиные, головы, не поймёшь, рогастые, клыкастые; руки не руки, а когти, лапы какие-то, скрюченные, в бородавках, да скользкие, да холодные, на жаб похожие. Как будто бы все нечисти, которые есть на белом свете, во всём их теле собрались. Настолько противные, что смотреть невозможно, от одного вида можно со страху умереть. Но крепится Иван, знает, что его впереди бои жестокие ждут не с одним, а с двумя чудовищами. Сели они, невидимые слуги стали им прислуживать, музыка страшная заиграла – для них-то может быть и приятная, да только доброму человеку и слушать её непотребно.

Собрал все свои силы Иванушка, не шелохнётся в своём углу.

Поели, попили чудовища, тогда, который постарше, и говорит:

– Ну, пойдём невесту уговаривать, коль сегодня ещё она не даст согласия на свадьбу, значит, дело кончать будем: по косточкам, по кусочкам разорвём да по белу свету пустим, да и царство их заодно по белому свету развеем.

Иван слушает, но молчит, кровь в нём закипает, злость его берёт, руки чешутся, не терпится в бою схватиться с хвастливыми рожами безобразными.

Поднялись, пошли. Как Зоренька сказала, так и сделала: дала согласие. Змеи от радости не знают, как ей угодить: сняли её с цепей, вымыли, придели, в свадебные наряды нарядили; сказали к свадьбе готовиться, что этой ночью и свадьбу сыграть.

Зоренька и говорит:

– Очень я полюбила вас: и тебя, мой батюшка, и тебя, мой будущий муж. Страх меня за вас берёт: вы по белому свету много летаете, вы людям беды большие приносите, да и люди на вас с нелюбовью смотрят. Видела я чудный сон: как будто бы вам грозит опасность, как будто бы в следующий свой вылет, как вы по белому свету полетите, погибнуть должны. А что же я потом буду делать, сирота горькая? Отца с матерью у меня нету, да тебя не будет, да и мужа тоже. Как же мне от беды спастись?

Разволновались чудовища, тронуло их, что Зоренька такой горячей любовью к ним воспылала, что беспокоиться о здоровье их стала, и открылись ей.

– Единственный, кто нас победить может, это Иван – крестьянский сын со своей сестрой – красавицей Алёной. Драться с ними можно только на медном току, который находится в трёх днях пути от нашего царства.

Как они рассказали, приказали готовиться, а сами улетели. В это время Зоренька вышла к Иванушке и рассказала ему суть дела, где они драться должны, и условия, при каких бой проходить будет: три дня дерутся, три дня отдыхают. В то время, когда они отдыхают, значит, они будут летать к пещере пить воду, бодрости да силы набираться, и тебя с собой брать будут.

Как Зоренька сказала, так и вышло. Возвернулись они под утро и учуяли, что здесь пришлым духом пахнет. Стали они спрашивать Зореньку, что здесь такое, откуда русский человек появился, почему Русью запахло?

Она и говорит:

– Не я ли говорила: вам погибель грозит. Пришёл тот, от чьей руки вы погибнуть можете. Рассвирепели тогда чудовища, громовыми голосами закричали, ногами затопали, хвостами забили. Вызывают Иванушку на бой честный.

Вышел Иванушка, не стал хорониться. Посмотрели они на него, да и засмеялись:

– Я ногой притопну, и ты со страху помрёшь, – один говорит.

Другой:

– Я как дыхну на тебя, так ты сразу сгоришь.

А Иванушка и говорит:

– Не хвались на рать идучи, а хвались с рати идучи.

Отправились они на ток медный, где бой должен идти.

Приходят, спрашивают: сразу с обоими будешь биться, аль по одному сражаться будем.

А он и отвечает:

– Коль вам угодно двоим – я и с двоими справлюсь. А коль по одному пойдёте, так мне и делать нечего.

Разозлились от таких слов чудища, разбежались да сошлись в мёртвой хватке с Иваном – крестьянским сыном. Он в одну сторону махнёт – одна голова у чудища летит, в другую сторону махнёт – голова другого чудища летит; только голову-то срубит, а на этом месте другие появляются.

Вспомнил он Алёнушкино зеркальце, которое она ему за пазуху положила, когда они отдыхать ложились на берегу реки. А змеи в это время отдыха запросили. Полетели к своей кадке, вымотанные, сил новых набираться, воды чудесной напиться, и Ивана с собой прихватили.

Иван спокоен. Заходят они в хранилище, где кадки стояли, а старший змей указывает ему на кадку, которая слева стояла, но переставленная направо Иваном была. Он на ту кадку, направо-то и показывает:

– Пей эту воду: бочка поменьше, одному тебе хватит, а мы с этой будем пить: бочка побольше и нас двое.

Ивану того и надо, попил он своей воды, чувствует, что сил в нём прибавилось. А те попили, друг на друга посмотрели, понять не могут, как будто бы слабее ещё стали. Думают, что утомились сильно, мало воды попили, попробовали ещё испить, чувствуют – ещё слабее стали. Посматривают на Ивана, а Иван как будто бы и не бился вовсе: глаза блестят задором, смелость в лице сияет. Думают: что-то здесь неладно. Вернулись они к той кадке, из которой Иван пил, Иван – раз, пинком, да и пролил всю воду. Здесь и схватились они, не выходя из этого хранилища, да и прикончил Иван обоих.

В это время, пока Иванушка – крестьянский сын добирался до Зореньки, невесты своей, пока бой на медном току шёл, в хранилище, в это время Алёнушка своею дорогою шла.

Проснулась она за полдень, солнце высоко стояло, жарко припекало. Огляделась кругом – нет Иванушки. Видит: еда перед ней, питьё перед ней. Поела-попила и думает:

– Как же он мог обмануть меня? Нет, он не обманет. Что-то приключилось с ним. Но в какую сторону идти, где мне его искать?

Долго сидела она в раздумье, наконец, решила пойти куда глаза глядят. Шла-шла и видит носовой платок, оброненный Иванушкой. Думает: теперь я знаю, куда он пошёл, теперь я знаю, куда мне путь держать.

Взяла платочек и дальше пошла. Шла-шла и видит: шапка Иванушки тоже валяется на пути, как будто бы нарочно он свои вещи раскладывал, на глаза чтоб они ей попадались, чтобы с пути она не сбилась, отправляясь в путь, чтоб его найти.

Так мало-помалу и нашла она Чудо-Юдово царство. Пробралась тихонечко к дворцу, а дальше-то и пройти не может, потому что змеи страшные – в замок никак не пробраться.

Долго бродила она вокруг. Куда ни пойдёт, везде шипенье, везде жалы страшные змеи высовывают, каждый норovit ужалить Алёнушку. Ходила-ходила она вокруг. Видит, что толку не добиться, решила назад отойти да в лесу спрятаться: авось какой добрый человек попадётся, да спросить у него.

Долго так она сидела, вдруг слышит: песня хороводная зазвучала, да настолько знакомая, будто бы она на своём родном лугу очутилась и со знакомыми девушками хоровод водит. И слова знакомые.

Сидела-сидела она да и запела тихонько, а голосок приятненький такой, заслушаешься. И не заметила, как вокруг неё народ собрался. Кончила она петь, огляделась, а народа многое множество. Спрашивают:

– Кто она, да как она здесь появилась?

Потому красавиц в этом царстве сроду не увидишь, а она – как солнышко ясна, как тополёк стройна.

– Чья дочь будешь, какого государства?

Она всё и рассказала.

Тогда они говорят, что есть, мол, у нас старик один, он знает, как в замок пробраться. Только пробраться-то тебе и не придётся: наперёд путь туда должен проложить брат твой, Иван – крестьянский сын, только тогда тебе путь-дорога будет открыта.

А где Иван, она до сих пор сама не знает. Как здесь быть, что делать?

Тогда девушки и говорят:

– А мы змея отвлечём, мы будем песни хороводные петь, мы ему будем вино подавать. Он раздобрится, на нашу красоту zalюбуется да и зазевается. В это время ты и проскочишь, только уже не по серебряному ободку, а как раз как он голову приподнимает, так и проскальзывай незаметно к калитке. Калитку пройдёшь, а там уже свобода, всё найдёшь.

Как сказали, так и сделали: подошли они поближе к замку, завели чудесные песни, такие, каких возле замка и в замке сроду не слышали, протяжные и весёлые, мелодия чудесная, заслушаешься.

Крепился-крепился змей-чудовище да и потихоньку голову стал приподнимать: интересно ему стало, кто это его развеселить задумал. Много лет он здесь лежит, много лет он ничего не слышит и никого не видит, а тут вдруг такая радость, такое чудо.

Приподнимал-приподнимал голову всё повыше да повыше, и увидел, что недалеко от него чудесные девушки хоровод водят в ярких сарафанах, в красивых венках и песни чудесные поют.

Залюбовался он да повыше голову ещё поднял. А в это время Алёнушка (не будь раззявой) – раз! – да и проскочила в калитку, нажала плечиком – калитка раскрылась. Она только прошла, калитка захлопнулась. Стала подниматься она по чёрной каменной лестнице в змеевы покои. В одну комнату зашла – никого нет, одни мыши летучие летают. В другую комнату зашла (комната размером побольше), столы стоят, как к свадьбе приготовленные, стены разукрашены причудливыми рисунками, неприятными и страшными. В следующую дверь пошла – открыла спальные покои, койки стоят, но как-то странно убранные, всё нерусское, всё некрасивое, всё страх нагоняет, аж в душе щиплет. Повернулась она, обратно пошла. Ходила-ходила да и в коридорах заплуталась. Остановилась и не знает больше, куда идти: темно, страшно.

Чтоб успокоиться, она возьми да и запой песенку; песенку запела, а Зоренька услышала и побежала на голос.

Думает: «Что такое, кто может сюда в такой поздний час пробраться. В то время, когда Иванушка на поле битвы погибает, а кто-то в замке песни распевает, кощунствует над его светлым подвигом, над его бедой страшною».

Побежала да и наткнулась на Алёнушку. Познакомились они. Рассказала Алёнушка, как она пробралась сюда.

Тогда Зоренька ей и говорит:

– Тебе мешкать здесь нельзя. Уходя на бой, змеи-чудовища оставили мне свои шарфы и наказали: «Как только шарфы начнут чернеть с края с того или с другого, значит, беда, но небольшая. А коль шарфы начнут чернеть со середины, значит, беда большая, значит, надо тебе на выручку спешить». Посмотрела я, но шарфы ни с того края, ни с другого, ни со середины не чернеют. А Иванушка, уходя, от шляпы перо мне дал и сказал: «Как только с пера кровь закапает, значит, плохо Иванушке, значит, на помощь надо спешить, значит как бы то ни было, нужно Алёнушке сообщить». Пойдём скорее в комнату.

Привела она её к себе в комнату, усадила её на свою постель, прекрасно убранную, а сама в свадебном наряде, только наряд-то какой-то странный: весь чёрный, ни блёсточки, ни звёздочки, ни украшений, только одни волосы златокудрые как будто бы всю комнату освещают.

Удивилась Алёнушка, но ничего не сказала. Вытаскивает она из заветного места перо, которое от шляпы Иванушка ей оставил, и видят: с края-то и верно кровь капает. Как упадёт, так морем небольшим разливается, так в сердце занозой отдаётся у Алёнушки.

Спросила она, куда ей идти. Указала ей Зоренька путь на медный ток идти. Пробралась она, но ничего и никого не увидела, только сабли переломанные.

Дальше она пошла, видит: кровь показалась. Она по следу пошла. Что ни метр, то лужица крови, что ни метр, то лужица крови, так эта кровь и довела её к той пещере. Вошла Алёнушка в хранилище, где кадки раньше хранились, и увидела такую картину: жених Зореньки, противный Поползень проклятый, на куски разрубленный лежит; Чудо-Юдо с одной головой, остальные тоже отрублены, в предсмертных судорогах бьётся и Иванушку в своих объятьях сжимает. Иванушка кровью исходится.

Не знает Алёнушка, к кому кинуться, как Иванушку из лап чудища вырвать. Иванушка одной рукой ей зеркальце протягивает. Схватила Алёнушка зеркальце, посмотрелась в него

и увидела совет такой: отрежь косу свою, не жалея, перевяжи рану Иванушке, кровь останови, собери воду, разлитую по полу, напои Иванушку.

Долго не мешкая, Алёнушка взяла меч брата, отсекла свою косу и выше раны руку ему перевязала. Кровь тотчас же остановилась, а змей Чудо-Юдо ещё сильнее его в объятьях сжимает, потому как предсмертный конец уже его вот-вот настанет.

Долго не мешкая, начала ползать Алёнушка по полу, по капельке напиток бодрости собирать. Кое-как собрала пригоршню, напоила Иванушку. Силы прибавилось, рванулся он из последних сил, вырвался из крепких объятий змея-чудища и последним ударом меча прикончил его насмерть.

Вздыхнул свободно, взял Алёнушку за руку и вывел на солнце яркое. Отдохнули они, воротились в замок Чуда-Юда, забрали с собой Зореньку и отправились в путь назад.

Шли они. Наконец, добрались до своего царства. Царица Пистимея места от радости не находит, до того уж она слабая стала, до того исхудалая стала. А то сразу как будто бы на десять лет помолодела, увидев дочку родную, целуя и обнимая чадо своё ненаглядное.

А садовник со своей женой тоже от радости места не находят: обнимают своих милых детишек, Алёнушку да Иванушку.

Долго не думая, быстренько пир горой образовали да и свадебку сыграли. Поженились Зоренька с Иванушкой, и стал Иван на престол царский, стал он государством править.

Только тут Алёнушка вспомнила про Ясень Дня, только тут вспомнила, что пошла его выручать из беды, да не дошла.

Кинулась она вся в слезах к Иванушке:

– Братец милый, помогла я тебе Зореньку вызволить, домой воротить, да и свадебку сыграли. А как же Ясень День? Он, наверное, уже погиб, верно, уж костей его не осталось на земле на русской.

Призадумался Иванушка, не хочется ему Зореньку покидать, не хочется от молодой жены уезжать, да делать нечего, жаль ему сестру Алёнушку, жаль счастья её ненайденного.

Подумали, посоветовались, Зоренька и говорит:

– Мы с Алёнушкой здесь будем, за родителями будем ухаживать, приглядывать, рукодельничать да веселиться будем, о тебе вспоминать будем, а ты отправляйся в путь.

Когда остались на ночь Иванушка с Зоренькой, Зоренька ему и говорит:

– Знаю я, отец тайну хранил при своей жизни, никому он её не рассказывал. Знаю только я, да и то по нечаянности. Мала я была тогда, может, всего и не запомнила. Только есть у нас в саду старый колодец. В этот колодец спускаться три дня и три ночи, пока самого дна достанешь. А как спустишься да на твёрдую землю ногами ступишь, протяни руку правую, кольцо в стенке колодца почувствуешь. Дёрни это кольцо – дверца откроется. Ты и ступай за эту дверцу. Есть там стойло старинное, а в этом стойле кобылица стоит. Выведи её, да только не сразу на ней поедешь. Никому она не поддавалась, кроме царя-батюшки, а уж как тебе с ней справиться – сам решай. Только кобылица необъезженная, норовистая, справиться с ней будет нелегко. Но как приручишь ты её к себе, она будет тебе первый помощник в беде, добрый и верный спутник во всём твоём пути.

Послушался Иванушка Зореньку. Утром раненько поднялся, попрощался с ней и пошёл искать старый колодец. Долго спускался: три дня и три ночи, пока до дна добрался. Почувствовал под ногами твёрдую почву, протянул, как учила его Зоренька, правую руку в сторону и сразу на кольцо наткнулся. Долго возился, кольцо никак не поддаётся, никак не провернётся. Наконец, открылась заветная дверь.

Входит он туда. Оглянулся и верно: видит – стоит конюшня старой кладки, а дверь крепко-накрепко закрыта. В конюшне шум, гром. Это кобылица бесится, застоялась. Много лет уже, как умер царь Рыбий Хвост, так никто к ней не спускался, никто на волю её не выводил. Подошёл к ней Иванушка с одного боку, подошёл с другого боку, никак не подступится. Потом догадался: вытащил пряник медовый да и положил ей на губы. Кобылица вроде приобрела. Не мешкая, схватил её за подуздок да и вывел на поляну. Поляна-то тут же неподалёку от конюшни была.

Только она вырвалась на волю, тут уж её ничем не остановишь. Гонялся-гонялся он за ней, подзывал-подзывал он её к себе. Кобылица носится, никак не остановится.

Решил Иванушка: пусть она прогуляется, пусть набесится, устанет, сама остановится, да и лёг под кустик, задремал.

Задремал и проснулся от холода. Проснулся и видит: поляна пуста, нет кобылицы, как и не бывало. Он в конюшню, и в конюшне нету. Куда девалась? Пошёл он её искать. Искал-искал, ходил-ходил. Сколько ходил, то мне неизвестно. Только много время утекло.

Вдруг буря поднялась, гроза страшная разразилась. Где Иванушке скрыться? Долго метался. Наконец, увидел он большое развесистое дерево: голову поднимешь – шапка с головы упадёт, а макушки дерева и не увидишь.

Решил он спрятаться в развилке этого дерева. Забрался меж кустов. Только хотел устроиться, слышит страшный писк, до того жалобный, что сердце на части разрывается, слушая его. Посмотрел он, а там птенцы, да какие-то странные, ещё неоперившиеся, совсем голые, а размера громадного. Рты разевают, вроде как есть просят. И холодно, посинели птенцы. Он всё, что было на нём, снял, укрыл птенцов. А где же пищи им достать? Полез он выше по дереву, видит: ястребов гнездо, яицек много лежит. Он и давай по одному яичку спускать птенцам в гнездо. Как поймает птенец яичко, проглотит его, успокоится. Как второй поймает, съест его и опять успокоится. Так он все яички птенцам и сбросал, а было их почти дюжина.

Успокоились птенцы, пригрелись, в одежде Ивана уснули. А Иван замерзает, зуб на зуб не попадает, потому сидит в чём мать родила.

Долго ли, коротко ли он так просидел, только видит, что солнышко проглянуло, ветер успокоился, на мир смотреть радостно стало, изумрудом всё сверкает, цветами пахнет.

Спустился Иван с дерева и думает: «Как же птенцов-то раскрыть? Хотя тепло уже, солнышко пригревает. скоро всё обсохнет, и птенцы веселее заживут. Полезу-ка я обратно, соберу свою одежду. Только обратно к гнезду подобрался, только начал свою одежду с птенцов собирать, как потемнело вокруг, зашумело, и со свистом на дерево птица уселась неопикуемых размеров. До того страшная: клюв длинный, крючком, крылья такой большой величины, что часть неба закрывают. Испугался Иван, не знает, что ему предпринять. А птица защёлкала, заверещала, начала к Ивану подбираться, чтобы тело его белое терзать да куски мяса его детям своим кидать.

Тут запищали дети и рассказали матери, как Иванушка их накормил вкусными очень яичками да своей одеждой прикрыл, чтобы они не замёрзли.

Тогда птица Гриф (а это была она со своими птенцами) и говорит ему:

– Долго сюда не заглядывал никто из людей, добрый молодец. Как же ты сюда попал?

Иванушка рассказал ей, что пришёл он сюда, чтобы из стойла кобылицу взять и на этой кобылице друга своего (жениха своей сестры) пуститься разыскивать. Вывел кобылицу, чтобы она прогулялась, да и заснул незаметно, а кобылица и скрылась.

– Где теперь её искать, не знаю, – говорит Иван. – Искал-искал, а тут буря поднялась, на дереве решил спастись, залез да птенцов и увидел. Решил им помочь, своей одеждой укрыл, а сам забрался повыше на дерево, чтобы в густой кроне дерева укрыться от холода да от дождя, да увидел ястреба гнездо.

Она и говорит, что это гнездо не ястреба, что это гнездо свила страшная змея, которая только и ждала, чтобы её птенчики подросли да немножко мяса понабрали, тогда бы она их съела.

– Я этому времени спешила домой вернуться, да хорошо – ты подросел. Сейчас и она сюда появится, но вдвоём-то мы с тобой с ней справимся.

Только проговорила, засвистело, зашелестело кругом, загремело, молнии засверкали, и страшный змей над деревом закружился, в три раза вокруг дерева обвился, а голову так и толкает, чтобы птенчиков схватить да проглотить одного за другим.

Но тут и завязался бой кровавый не на живот, а на смерть. Гриф сверху нападает, змея то за спину хватит, клочок оторвёт, то за хвост ему вцепится, то голову ему клюнет. А Иван знай только мечом размахивает слева направо, да справа налево.

Долго бились они, измотались вконец, в изнеможение пришли, но всё-таки не оставляют бой, не отступают ни на шаг. Сколько змей ни бился, сколько ни вертелся, ни крутился, а всё-таки конец ему пришёл.

Когда после боя отдохнули, подкрепились чем могли, тогда птица Гриф и говорит Ивану:

– Знаю я, где кобылица твоя находится. Если прямо идти по этой дороге, месяц нужно пройти. Есть там царство небольшое, царь глуп, злой да хитрый. Есть у него стадо кобылиц. К нему и твоя кобылица попала, так как эту кобылицу царь Рыбий Хвост от него достал. Откуда взял, туда она и вернулась. Трудно тебе придётся кобылицу выручить, но я тебя научу, как делать.

Есть у этого царя жар-птица. Только жар-птица эта не настоящая, а это он свою дочь превратил в жар-птицу за то, что она мудрее его, и за то, что она хитрее его. К клетке этой жар-птицы он никого не подпускает. Сам птицу поит, сам птицу кормит. И ключи от клетки он на поясе носит. А спит когда, не оставляет их. Но я тебе дам корешок один. С виду он красив, даже чудесен, а царь на безделушки падок. Покажи ты ему этот корешок, он и zalюбуется, станет просить у тебя его, а ты и говори: «Разреши мне на жар-птицу посмотреть, тогда и корешок тебе отдам». Долго царь будет упираться, но ты не уступай, настаивай на своём.

Научила она, как добраться до этого царства. И пошёл Иван туда.

Приходит. Свободно его к царю пропускают. Царь спрашивает: какая беда его привела к нему в царство, какая ему треба от его царского величества нужна.

Иван и говорит:

– Знаю я, что есть у тебя жар-птица чудесная. Разреши мне на эту жар-птицу посмотреть. Только из-за этого я сюда и пробирался, только из-за этого я и терпел лишения в пути да и преграды преодолевал непреодолимые. Разреши хоть одним глазком взглянуть на твою чудесную птицу.

Царь и говорит:

– Никому я её не показываю, но коль ты захотел посмотреть, так что я за это иметь буду?

А Иван и говорит:

– Есть у меня одна заветная вещица. Покажу тебе её, а коль понравится, и подарю, только при условии, что ты мне разрешишь на твою жар-птицу посмотреть.

Вытащил он из кармана корешок чудесный. Взглянул царь на этот корешок, так и руки у него затряслись. Трясётся весь, корчится, так ему захотелось корешком воспользоваться, себе его приобрести. Стал он Ивана упрашивать, чтоб он ему тот корешок отдал, а Иван, знай только, стоит на своём: покажи жар-птицу да покажи. Тогда он и говорит:

– Та клетка, в которой жар-птица сидит, замкнута. А ключи я никому не доверяю. Коль хочешь посмотреть – пойдём со мной.

А Иван, помня наказ Гриф-птицы, отказывается, просит в собственные руки свои ключ от золотой клетки, одному, мол, ему на птицу хочется посмотреть.

Сколько ни бился, сколько ни упряился царь, всё-таки согласился, уж больно корешок его соблазнил чудесный. Взял он этот корешок из рук в руки и ключ из рук в руки переложил. Указал, в какой комнате жар-птица, только говорит:

– Не разговаривай с ней, молчком стой.

Пошёл Иван в горницу, которую указал ему царь. Заходит, и верно, видит: висит золотая клетка. Клетка глухая, только небольшие дырочки, чтобы воздух поступал, чтоб жар-птица не задохлась. Открыл он ключом замок, на который была закрыта золотая клетка. Только дверца распахнулась, птица вылетела, ударилась об пол и стала прекрасной девушкой, такой красавицей, что и не сказать.

Стала она спрашивать, что за человек, откуда, с какой целью в это царство забрался, и почему у него ключи от клетки в руках оказались.

Рассказал ей цель своего прихода Иванушка.

Тогда она ему и говорит:

– Я буду просить отца, чтобы он в полдень меня в сад вынес и на дуб клетку повесил, возле большого луга. А на том лугу пасётся всё отцовское стадо. Кобылицы все одинаковые, и разгадать, которая кобылица твоя, очень трудно. Но я знак тебе подам, когда ты стадо проходить будешь. Подходи к каждой кобылице и рукой дотрагивайся. Как только дотронешься до той кобылицы, которая тебе нужна, я крик подам, и ты с ходу прыгай на эту кобылицу. Отец взъерепенится, сядет на другого коня, будет на бой тебя вызывать. Соглашайся на бой, да только не поворачивайся к нему лицом, а старайся поворачиваться задом. Если повернёшься передом, отец сразу тебя поразит, и не выбраться тебе будет отсюда.

Как она сказала, так и сделано. Пошёл Иван к царю, вернул ему ключ от золотой клетки и потом сказал настоящую цель своего прихода. Говорит, что у него пропала кобылица. А от старых людей он узнал, что кобылица эта из его же стада была взята и в его же стадо вернулась.

Царь и говорит:

– Хорошо. Отдам я тебе твою кобылицу, коль ты её найти сможешь. Завтра, в полдень, на большом лугу я прикажу собрать всё своё стадо. И ты туда приходи.

Ушёл Иван отдыхать, а царь пошёл жар-птицу, дочь свою, кормить да поить. Когда открыл клетку, ударившись об пол, жар-птица стала красивейшей девушкой. Напилась, наелась, а потом и просьбу отцу своему доложила. Сказала она, что очень ей надоело в клетке сидеть, да ещё в комнате запертой. Душно, на волю хочется. Уж так она слёзно молила и просила своего отца, чтобы разрешил он вынести клетку на луг зелёный и повесить на дуб старый, это любимое место, дескать, её в саду было. Долго просила да умоляла, немало слёз пролила, пока старый царь согласился.

В назначенное время вынесли слуги клетку с жар-птицей и повесили на дуб. В это время другие слуги уже и стадо кобылиц собрали, и царь подъехал, и Иван подошёл.

Царь и говорит:

– Ну, Иван, все кобылицы перед тобой. Подходи, указывай, которая твоя кобылица.

Пошёл Иван и стал притрагиваться к каждой кобылице, ожидая заветного крика жар-птицы, с которым он узнает ту кобылицу, на который ему в путь далёкий отправляться. К какой ни притронется кобылице – всё молчок, всё тишина, никакого знака. Уже всё стадо обошёл, уже ни одной кобылицы не осталось, а та, которую ему надо, так и не появилась, так и не раздалось заветного крика.

Вернулся обратно к царю, царь самодовольный, усмехается, рад, что Ивана вокруг пальца обвёл.

А Иван-то и думает: «Я тоже не лыком шитый». Отпросился он у царя с дороги отдохнуть. Взор, мол, у меня затуманился, взгляд притупился, не могу кобылицу разглядеть, приметку увидеть.

Царь и думает: ладно, не больно-то ты меня перехитришь.

– Иди, отдыхай сколько тебе потребуется, да только и на другой раз ты свою кобылицу не узнаешь.

Ладно, разошлись все.

Ночью Иван по какой-то надобности во двор вышел, и видит: человек стоит, его дожидает, в тёмный плащ завернутый. Знаком подзывает к себе Ивана. Иван подошёл, человек и говорит:

– Меня послала царская дочь с наказом к тебе, что в тот день кобылицы твоей на месте не оказалось. Царь держит её взаперти, нарочно убрал её. Иди к нему и скажи, что узнал я, царь, количество твоих лошадей, только на лугу в тот день не все были. Ты собери сегодня всё своё стадо, тогда я тебе назову свою кобылицу. Да только не говори, откуда ты узнал, что стадо не всё на лугу было, иначе тебе несдобровать, и нам плохо будет.

Пошёл Иван к царю, сказал ему всё, как научил его слуга.

Царь согласился.

На следующий день снова на том же лугу собрал он всё своё стадо, и снова на том же лугу висела клетка с жар-птицей, и снова Иван, как и в первый день, пошёл к лошадям притрагиваться. Опять всё стадо почти обошёл, одна замухрышка-кобылица осталась, почти жеребёнок. Такой чахлый, закоростенный и масти совсем другой: не белая масть, а какая-то бурая. Постоял он, поколебался и думает: «Что же такое? Не может же быть эта моя кобылица, совсем какой-то шелудивый жеребёнок». Поколебался-поколебался, думает: «Ай, чем судьба не шутит, дай подойду да и её потрогаю».

Подошёл, значит, только руку протянул, в это время крик жар-птицы раздался. Обрадовался Иван, а кобылица встрепелась, голову подняла, заржала радостно.

Иван, долго не думая, – раз! – да и вскочил ей на спину. Царь взбесился. Дескать, что это такое? Кто разрешил такое самоуправство устраивать в его царстве? Раз! – на другую лошадь, за клинок схватился да навстречу к Ивану, вызывает его на бой честный. Иван согласие-то даёт, что биться будет, а сам всё норовит задом да задом повернуться. Как царь ни кружил вокруг него, так он не мог лицом к лицу встретиться, не мог взгляда Иванова увидеть и свой взгляд на него навести.

Долго бились, вымотался из силы царь и говорит:

– Ну Иван, на свете только трое мудрых людей: сперва – это дочь моя, она даже мудрее меня: за то я превратил её в жар-птицу, что мудростью своей она меня превосходила. Вторым человеком по мудрости – это буду я, а третий – это ты, Иван – крестьянский сын. Ну что же, перехитрил меня, желаю тебе удачи. И есть у меня к тебе просьба: женись на моей дочери. Самый счастливый человек на свете будешь.

Отказывается Иван, говорит, что у него жена-красавица осталась дома, только поженились, да беда заставила из дома отлучиться.

– Но не беспокойся, найду я ей достойного жениха. А потом её спросить надо, люб ли я ей, захочет ли она за меня замуж идти.

Ладно, вечером за честным пиром и разговор пошёл дальше ладком. И дочь свою царь за стол пригласил, и сам сел. Столы от яств ломаются. Со всем доброжелательством к Ивану относится, только никак не может его уговорить, чтобы он на его дочери женился. А дочь сидит, посматривает, усмехается да помалкивает: пусть же Иван сам решит.

А знала она, что Иван женатый, что приедет домой Иван, а дома-то его радость ожидает: сын у Ивана родился, весь на Зореньку походит, а силой в Ивана удался. Только Ивану она этого не говорит.

Стал Иван спрашивать её, согласна ли она за него выйти, любит ли она его.

Она и говорит, что есть у неё жених, только очень далеко, но скоро он вернётся, и тогда она выйдет за него замуж, если на то будет позволение батюшки.

Видит царь, что никак не сговоришь молодых, решил Ивана отпустить подобру-поздорову. Отдал он ему кобылицу, и отправился Иван в обратный путь. Если вперёд было трудно добираться, то обратно выбираться легче лёгкого. Конь как птица летит, ни гор, ни лесов, ни морей не затрагивает, как муха перелетает.

Долго ли, коротко ли скакал он, наконец, доскакал он до своего царства. Заходит, а в доме радость. Что, думает, за радость такая? В покои свои заходит, все навстречу ему: и жена, и царица старая, и сестра Алёнушка. Все с поздравлениями, с улыбками, с радостными лицами навстречу. Каждый вперёд сообщить старается, что у Ивана сын родился, да такой красавец, что Ивану самому не уступит.

Отметил Иван рождение своего сына, погуляли, попиروвали и думает, что пора в путь-дорогу отправляться.

Отправился Иван на розыски Ясень Дня. Долго ехал, долго плутал, много дорог перебрал, много морей переплыл, много гор перевалил, много рек пересёк и, наконец, добрался до Восточного царства.

На окраине Восточного царства башня стояла. У привратника в этой башне попросился ночевать. Тот пустил его. Разговорились, и выяснилось, с какой целью Иван по белу свету

путешествует. Так он узнал, что Ясень День здесь находится, что пошёл он выручать свою сестру Зореньку, да и попал в полон к царю Восточного царства.

Привратник и говорит:

– Знаю я этого парня. Все его в нашем государстве любят, только царь к нему людей близко не подпускает. Работает он у него вот уже три года и три дня, да работа-то предстоит ему самая трудная. Я вот что тебе посоветую: нанимайся иди к царю в работники. Ясень День пастухом работает, а ты нанимайся в кузницу. В кузнице мой брат работает, человек умный и сильный. Он и посоветует вам, как из этого царства выбраться.

Нарядился Иван в отрепья, пошёл наниматься на работу. Ходит по улицам, кричит, силы свои предлагает. Поравнялся с дворцом царским, высказывает привратник и кричит, что царь велит в ноги ему явиться.

Зашёл Иван. Обспросил царь: кто он и откуда, что делать может, что умеет. Сказал Иван, что отец его кузнецом был, а он по этому мастерству пошёл.

Обрадовался царь, потому как войной идти собирался на Северное царство и много оружия ему нужно было. Один-то кузнец справиться не мог, от других-то подмастерьев проку мало было. Посмотрел на Ивана, видит: сила в нём немалая, и сноровка, видать, есть и повёл его в кузницу. Привёл, познакомил с кузнецом Вакулой. Куют они да разговаривают под звон железа, чтоб другие не слышали. Ну и все задачи решили – раскумекали, как-быть и как с Ясень Днём встретиться.

А Ясень День огромное стадо быков пас далеко в поле. Добраться до него трудно было, потому дороги неровные: то грязь, то колдобины, то леса непроходимые, то болота топкие. Но кузнец и говорит Ивану:

– Ты не беспокойся. Скую я тебе такие башмаки, что тебя любая тряпина выдержит.

Сковал он такие башмаки и направил его в путь-дорогу.

Долго добирался Иван до Ясень Дня, наконец, добрался. Встретились они, как будто бы знали друг друга всю жизнь, хотя ни разу в глаза друг другу не посмотрели.

Разговорились. Рассказал Иван, что на его родине творится, что сестра его Зоренька Иваном спасена, что поженились, что племянник у Ясень Дня появился.

Полюбился Ясеню Дню. Давай они вместе решать, как царя обхитрить, потому работа трудная да хитрая. Пасёт-пасёт Ясень День стадо быков своих, а как домой стаду ворочаться, так по дорогам нигде не пройти, на себе быков перетаскиваешь. До того измотался Ясень День, что уже сил никаких нету, а быки день ото дня всё тяжелей да тучней становятся, ибо трава на лугах сочная да мягкая, да питательная. Быки день ото дня поправляются, а Ясень Дню всё тяжелее справляться с ними приходится. Попробуй такое стадище на своих плечах через болото перетаскивать! Но вдвоём-то им теперь легче стало. Ясень День последний день должен был пасти это стадо, и последний раз им домой возвращаться. Быстренько они справились с быками, быстренько их перетащили на себе через болото и погнало.

Вызывает утром царь их обоих: и Ивана, и Ясень Дня, и говорит, что у него ульи развалились на пасеке, что нужно новые ульи построить и пчёл в новые ульи пересадить, да так, чтоб ни одна пчела не пропала.

– Если пропадёт хоть одна пчела, значит, обоим головы не сносить.

А Иван ему напоминает, что я-де к тебе не пасечником нанимался, я-де к тебе в кузницу шёл работать.

Царь говорит, что Вакула в кузнице пока один справится, а ты, мол, поможешь Ясеню Дню соорудить новую пасеку и пчёл переселить.

Нечего делать, с царём-то спорить не станешь. Отправились Ясень День да Иванушка новую пасеку городить. Сколько они ни трудились, ничего не получается у них. Хоть Иван и мастер был на все руки, но с этим делом впервые столкнулся. Обидно стало ему, что несмышлёные ребятишки над ним насмеваются, что ничего сделать они не могут, с пустяковым делом справиться не в силах.

Тогда Ясень День и говорит:

– А вы, ребята, у родителей своих совета спросите и нам этот совет принесите, помогите. Вот с вашей помощью да с помощью ваших отцов мы и построим царю новую пасеку. Сами себе жизнь сохраним и царю угодим.

Послушались его ребяташки, да и сами им помогать начали: кто гвоздь вбивает, кто доску стругает, кто молотком постукивает, кто пальцем покажет, где прибивать.

Так общими силами они за одну ночь и справились с новой пасекой, целиком и полностью построили.

А как же пчёл пересаживать? Здесь задача потруднее. Сколько они ни возились, но всё-таки переселили всех пчёл на новую пасеку. Хоть и поджаленные были: лица распухли, пальцы, как брёвна, на руках стали, но всё-таки справились, пошли к царю докладывать.

Царь и говорит им:

– Ладно, с одной задачей справились. Теперь, Ясень День, тебе другая задача будет. Стоит дуб старый в моём саду, да что-то стал он погибать, сохнуть с макушки. А в чём причина, не пойму. Выкопай этот дуб. Сначала выкопай яму большую, свежую, потом дуб тот выкопашь да на новое место его пересадишь. А коль дуб совсем засохнет, так мой меч, а твоя голова с плеч.

Призадумался Ясень День, как ему с такой задачей справляться. Пошёл на совет к Ивану, а Иван к кузнецу, втроём думали-думали и додумались. Кузнец говорит:

– Я скую такой топор, только б сила была, раз ударь – и яма будет, второй раз ударишь – с другой стороны яма будет, третий раз ударишь – свободно дуб поднимай да на новое место перетаскивай.

Как сказал, так и сделал. Только Ясень Дню не под силу тот топор поднять. Пришлось Ивану всю работу делать. Стал он яму рыть, чтоб дуб пересадить. Вырыл такую яму глубокую, что день вокруг неё по краям иди и то не обойдёшь. А глубина такая, что камень бросишь, он день будет лететь, пока о дно ударится. Пошёл он дуб выкапывать, раз копнул, другой копнул, третий копнул – дуб зашатался. Стали они вдвоём тянуть, но дуб никак не поддаётся, шатается, скрипит. Думают: «Что такое, что за напасть такая?»

Давай осторожно под корни подрубаться. Рубились-рубились, раз – и искры из-под топора полетели. В чём же дело? Побежал Ясень День, принёс лопату, давай они тихонечко рыть и вырыли сундук. Стараются его открыть, а открыть не могут, потому корни дуба кругом его оплели. А поднять дуб они не могли, потому что сундук этот очень тяжёлый. Бились-бились они, позвали на помощь кузнеца. Пришёл кузнец, быстро своим инструментом вскрыл сундук, а он оказался полон драгоценных камней: золота, серебра, таких украшений, каких и свет не видел.

Что делать с сундуком? Не говорить же об этом царю. Если сказать, он, чего доброго, и их загубит, отсюда не отпустит да ещё больше разбогатеет. Решили о сундуке-то промолчать. Общими усилиями дуб перетаскивали, в новую яму посадили, водой родниковой полили, дуб и зацвёл, зашелестел, зашумел своей густой кроной. А сундук прикрыли тихонечко, на другое место перевезли, чтоб никто не видел да не знал. И решили в эту ночь бежать.

Как договорились, так и сделали. Только ночь настала, стали они собираться в условленное место, где сундук был запрятан.

Подходит Иван к этому месту и понять ничего не может, дойдёт до пенька, где дуб был срублен, вперёд его как будто бы не пускают, как будто подножки ему подставляют, назад или в любую другую сторону пойдёт – всё нормально. Как только опять начнёт подходить к тому месту, где сундук был запрятан, опять как будто бы кто его не пускает.

Сел он и сидит, раздумывает. Видит – Ясень День идёт. И с ним та же история: только дойдёт до установленного места, как будто бы стена какая-то перед ним невидимая, какой-то силой его отбрасывает назад. Несколько раз он бился, с разных сторон подходил к этому месту, а всё та же история повторяется.

Подошёл он к Ивану, сел. Стали гадать, в чём тут дело.

Кузнец идёт.

– Давай не будем ему говорить, – Иван говорит Ясень Дню, – что с ним будет.

Идёт кузнец, не видит Ивана с Ясень Днём. То же: дошёл, как будто бы в стену лбом упёрся, как будто бы его невидимая сила, как мяч, обратно отбросила. С другой стороны подошёл Вакула – то же самое, с третьей стороны – то же самое.

Да что же за напасть такая?

Взял он камень да кинул вверх. Камень свободно перелетел и в середине того места условленного упал. С другой стороны подошёл, камень кинул – то же самое получилось. Тогда только он заметил Ивана с Ясень Днём, подошёл к ним. Стали они спрашивать, что это такое. А он и говорит, что на этом месте, где дуб рос, стоял замок когда-то волшебный. Кто в этом замке жил – неизвестно, и что в этом замке было – неизвестно. Только такая история идёт: как вечер начинается, так пляс чертячий по всему замку. Лешие собираются и ведьмы. Свадьбы справляют, на сто вёрст вокруг народ боялся из домов вечером выйти. Сколько храбрецов, сколько богатырей погибло на этом несчастном месте. И всё, что здесь в сундуке находится, это с тех же жертв, которые в борьбе с чертями да с нечистой силой пали, это всё с них украшения.

Тогда они спрашивают:

– А почему же мы тогда к этому сундуку не можем подобраться, что нас не пускает? Что за стена такая, какая сила от этой стены отбрасывает?

Он и говорит:

– До полуночи этот сундук взять невозможно: нечистая сила охраняет его, не подпускает к нему. Нужно ждать до четвертых петухов. Как четвертые петухи пропоют, тогда мы подойдём к сундуку, тогда мы только завладеем им, но тогда нам будет трудно выбраться из сада царского. Я пойду на разведку, а вы отдыхайте. Как только услышите какой-нибудь подозрительный шум, или писк, или визг, сразу мне сообщайте, соловьём запойте. Я знать буду, что вы меня зовёте.

Сказал и пошёл, весь сад облазил, все тропинки, все хода и выходы, все калитки и все заборы обследовал, всё искал, где бы лазейку поудобнее найти, чтобы им из сада выбраться. В конце концов всё-таки нашёл. Только хотел обратно к ним вернуться, вдруг слышит трель соловья, значит, с ребятами беда случилась. Кинулся, что в нём было мочи, на помощь. Прибегает, а какие-то чудовища, большие да мелкие – несметное количество их кругом верёвками пообматывали. Никак им не вырваться. Чёрным дождём они на них наваливаются.

Взял кузнец Вакула свою кувалду и давай из стороны на сторону махать, одного за другим убивать, только думает, как бы товарищей своих кого не задеть да не искалечить. Долго бился, три пота пролил. Наконец, справился с ними. А тут и четвертые петухи пропели.

Схватили они сундук и бежать к лазейке, которую им Вакула разыскал. Сундук тяжёлый. Бегут, торопятся, падают. Сундук руки оттягивает, по переменке меняются. Всё-таки дотащили сундук до лазейки, вылезли из царского сада, на глухую дорогу выбрались и давай решать, как домой возвращаться.

Вакула и говорит:

– Есть у меня старая бабка, живёт она здесь недалеко. Знает она секрет, где находится ковёр-самолёт. Ковёр-самолёт этот делала царица, которая триста лет правила царством, которым правит сейчас этот царь. Больше этот ковёр-самолёт никто в глаза не видел. И где хранится – не знает, только знает бабка моя. Коль застанем бабку в живых – ваше счастье, быстро на родину возвратимся.

Пошли они бабку разыскивать. Долго ли, коротко ли они её искали, но нашли. Рассказала им бабка, как до ковра добраться, что ковёр-то этот хранится как раз в дупле того дуба в царском саду, который они с места на место перетаскивали.

Но как же быть? Как теперь туда возвращаться?

Долго думали-гадали, а потом старуха и говорит:

– Ладно, много я людям добра делала, а вот для своего внука последний раз постараюсь.

И отправилась она к царю. Долго она ходила, долго вестей от неё никаких не было. Они уже и ждать устали, уже думали, что царь и старуху наказал, голову отсёк или на кол

посадил. Только передумали – открывается дверь и заходит старуха. Да старуха-то не старуха, а как будто бы ей лет сорок только стало. А сзади её идут два великана и ковёр этот тащат.

Избушка-то маленькая и двери маленькие, а они как будто бы в большие дворцовые апартаменты его внесли, и на глазах избушка раздалась. Ковёр по полу разостлался, да такой красивый: все царства, что на земле есть, все отражены на этом ковре. Все озёра и реки, все горы и моря, все леса и луга. Подивились они на этот ковёр. Подивились, как старая старушка сорокалетней стала вдруг. Стали спрашивать, как это с ней произошло.

Оказывается, она знала ещё одно волшебное свойство этого ковра-самолёта: если по этому по ковру-самолёту в полночь три раза перевернуться, то столетний становится восемнадцатилетним, больной становится здоровым, калека тоже становится здоровым. Вот и ей посчастливилось. Всяко разное она вызывала царя на хитрости. В конце концов договорились загадки друг другу загадывать – кто больше загадок отгадает, того и ковёр будет.

Об этом, говорит, царь тоже не знал, только узнал тогда, когда ему старуха рассказала. Тогда он загорелся, чтобы такое чудо у него в руках было. Жалко стало ему отдавать ковёр. Он думает: «Ладно, старая хрычовка, ты меня обведёшь, так дочь мою не обведёшь».

А дочь-то весь разговор слышала да и думала: «Нет, от меня-то ты, батюшка, помощи не дождёшься».

Приказал царь клетку принести. Сняли, клетку с гвоздя, принесли в покои царя, а она раз с палочки, да и упала на дно клетки, как будто бы мёртвая, ни пёрышком ни одним не пошевелит, ни ногой не дрыгнет.

Погоревал царь, да делать нечего. Приказал отнести обратно в девичьи покои клетку эту и сказал, что завтра утром похороны состоятся.

Огорчился очень, но и ковёр отпустить ему тоже не хочется, думает: «Ладно, старая хрычовка, я и один с тобой справлюсь, несмотря на то, что горе у меня большое: единственную дочь и ту потерял».

Да и давай они друг другу загадки загадывать. Один загадку загадает, а другой ещё хитрее, другой загадает загадку, а первый ещё хитрее. Долго они бились, но всё-таки старуха больше на свете жила, больше мудрого ума накопила, больше загадок знала и проще ответ на них находила. Перехитрила она царя, нечего тому делать, отдал он ей ковёр.

Пошла старуха. А как же из-под дуба ковёр-то достать? Кинулся царь к кузнецу Вакуле, а того и след простыл. Кинулись за Ясень Днём – и того след простыл. Кинулись за Иваном – и того тут как не было никогда.

Что делать? Собрали со всего царства людей, чтобы дуб подкопать да снизу с корня в дупло залезти да ковёр оттуда достать.

Много народу собралось. Подкопать-то подкопали, а залезть-то под дуб никто не может, в дупло-то пробраться никому не под силу.

И тут вспомнила старуха, что есть вдова одна в этом царстве и что у неё сын великан Силас, да только ноги у него не ходят. А ноги эти нужно было помазать чудодейственной мазью, а мазь эта имелась опять-таки только у царя. А как эту мазь достать – опять задача.

Думала-думала она, сошлась со стряпухой царской, поделилась с ней горем, а были-то они давнишние подружки. Стряпуха ей говорит:

– Не печалься, я в батюшкины покои обед понесу да и мазь оттуда вынесу.

Как сказала, так и сделала. Вынесла мазь, отдала старухе, а старуха быстренько к вдове побежала. Прибежала к вдове да сыну ноги смазала. В одночасье ноги у великана здоровыми стали. Соскочил он, как никогда не болел, и спрашивает, чем же отблагодарить её за такое великое дело, сделанное ею, за радость ту, какую она ему придала, за то, что жизнь ему снова подарила.

Она и говорит:

– У меня к тебе небольшая просьба будет. Мне только нужно дуб своротить в царском саду да из-под дуба из дупла ковёр-самолёт достать.

Долго не мешкая, вернулись они в царский сад. Великан подошёл, одной рукой дуб поднял, а она сама быстренько прошмыгнула в дупло снизу дуба да и вытолкнула оттуда ковёр-самолёт.

Подхватил его великан, разостлал его на траве, и как будто бы весь сад преобразился, как будто бы в одном царском саду вся земля сосредоточилась: все царства, все города и сёла, все деревни, даже видно, как мужики на лугах как будто бы живые копошатся.

Полюбовались они на ковёр, старуха раз перевернулась, два кувыркнулась, три перевернулась – и стала как сорокалетняя.

А великан со своим товарищем схватили ковёр на плечи да и понесли за старухой.

Доставили они ковёр, разостлался он по светлой горнице, которая образовалась в старой развалюшке-избушке.

Сели они на ковёр-самолёт, лёгким ветерком как будто бы подуло, стены раздвинулись, и ковёр-самолёт ввысь поднялся, полетели: великан, который дуб поднимал, бабка, кузнец Вакула. Ясень День да Иванушка полетели в родное царство, на любимую сторонку к своим жёнам да матерям, к своим сёстрам да братьям.

Вернулись они очень быстро, даже не ожидали, что они так быстро вернутся, да и к встрече не подготовились.

Ну и тогда здесь кто о чём говорит, никто понять не может – не разберутся. Всем радостно, всем весело, все собрались вместе: и мать с сыном встретились, и сестра с братом встретились, и кума с кумой встретились, только кума одного не хватало.

Ну что ж, Ясень День явился, Алёнушка сама не своя от радости, наглядеться на него не может. И он ею не налюбуется, уж настолько она хороша, так была прелестна, а от радости ещё ярче засияла, весь мир она от него заслонила, он только и смотрит на неё да радуется.

Долго не думая, весёлым пирком да за свадебку. Великан дружком у Ясень Дня на свадьбе был. Конец этой сказки он мне говорил, что напутал, то я передала, за что купила, за то и я продала.

Словарик

Закоростенный – покрытый коростой

Затужилась – запечалилась

Захолонула – похолодела, оцепенела

Куделя – очищенное волокно льна, конопли или шерсть, приготовленное для прядения

Лешаёв – леших

Страмной – неприличный, непристойный